Je préfère les Tzitovitchs, — par Pierre Alissoff.

Prix : 25 centimes.

Я ПРЕДПОЧИТАЮ ЦИТОВИЧЕЙ

Алисов.

Господинъ В. Что такое либералъ?

Господинъ В. Существо вездѣсущее. Къ нему можно вполнѣ примѣнить слова о богѣ, въ катехизисѣ Филарета: „Подымусь на небо, ты тамъ еси; спущусь въ ретирадное мѣсто, ты тамъ еси; ввойду въ публичный домъ, ты тамъ еси; взберусь на подмостки висѣлицы, ты тамъ еси; заберусь во дворецъ, ты тамъ еси.“ Словомъ, сколько не опускайся и не подымайся, не мечись изъ стороны въ сторону, вездѣ и всюду либералъ.

Консерваторъ, подобно гремучей змѣѣ, носитъ на своемъ хвостѣ трещетку, заслышавъ ее, путникъ можетъ спастись на морѣ, на яхтѣ Ливадія, на сушѣ на необгонимой тройкѣ, купленной у Поздрева.

Либералъ переливается цвѣтами, ползетъ неслышно, будто любуется солнышкомъ, муравой, обоняетъ цвѣты и, вдругъ, неожиданно, вонзаетъ ядовитый зубъ; спасенія отъ него нѣтъ.

Г. Б. Гдѣ можно встрѣтить консерваторовъ?

Г. В. Въ тайной и явной полиціи, въ секретномъ столѣ,

синодѣ, сенатѣ, комитетѣ министровъ, въ казенно учебныхъ заведеніяхъ, въ „Берегѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ.“

Г. Б. А либераловъ?

Г. В. Тамъ же; но кромѣ этого, они содержатъ дома и журналы терпимости. Консерваторы въ судахъ — прокуроры, либералы — адвокаты. Консерваторы въ тюрьмахъ служатъ сторожами, экзекуторами; если нужно высѣчь, они собственноручно размачиваютъ розги въ соляномъ растворѣ и порятъ до предсмертнаго хрипа, при этомъ наружность ихъ не мѣняется.

Либералы въ тюрьмахъ служатъ смотрителями; они приказываютъ сѣчь и быстро удаляются, но, движимые любопытствомъ, возвращаются и, смакуя, ждутъ конца тѣлеснаго наказанія. Въ случаѣ отвѣтственности все сваливаютъ на консерваторовъ. Бьютъ политическихъ жертвъ, пытаютъ не сами, но препоручаютъ консерваторамъ.

Консерваторы охотно поступаютъ въ урядники. Либералы еще охотнѣе — въ шпіоны за границу, и тамъ нерѣдко своимъ либерализмомъ плѣняютъ гамбеттистовъ.

Консерваторы — губернаторы. Либералы — чиновники особыхъ порученій. Консерваторы подвизаются въ государственныхъ совѣтахъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди совѣтуютъ другъ другу, ничего не дѣлая, получатъ жалованіе. Либералы подвизаются въ провіантскихъ коммиссіяхъ, ревизіяхъ, въ комитетахъ опеканія сиротъ.

Консерваторы въ банкахъ переносятъ съ мѣста на мѣсто лишенныя аммоніака удобренія, носящія эффектное названіе: русскія государственныя цѣнности; они высчитываютъ проценты съ денегъ, которыхъ никогда не видятъ.

Либералы въ банкахъ крадутъ.

Консерваторы держатъ винные и водочные погреба и продаютъ оптомъ.

Либералы содержатъ питейные дома съ призывною надписью: „Распивочное, раздробительное на вынось“ и вывѣшиваютъ трехцвѣтное знамя, цвѣтовъ сторожевой будки; подливая воду въ водку, они горячо говорятъ о равенствѣ, любви и свободѣ.

Консерваторы во дворцѣ служатъ конюхами, истопниками, шамбелянами, кучерами, гофмейстерами, поварами и камергерами.

Либералы сводничаютъ, врачуютъ послѣдствія августѣйшихъ дебошей и главное съ напыщенностью выносятъ горшки.

Консерваторы нерѣдко противорѣчатъ либералу-монарху и съ угрюмою монотонностью высказываютъ вѣчно одни и тѣ же воззрѣнія, они могутъ быть выражены въ нѣсколькихъ словахъ: религія и висѣлица; любовь къ ближнему и чижовка; собственность и уфимскіе черноземы; пресса и распеленіе всѣхъ книгъ, исключая кухонныхъ; семейство и мужелоство, принципы и двадцатилѣтняя каторга. Все сіе помноженное вмѣстѣ составляетъ поддержаніе основъ.

Либералы никогда не противорѣчатъ либералу-монарху. Они разсказываютъ ему анекдотцы и съ жаромъ декламируютъ ему стихи Баркова, „Первую ночь“ и „Царя Никиту“ Пушкина, „Петергофское гуляніе“ Лермонтова. Непомѣрными усиліями, щекотаніями доводятъ вѣнценосца до того, что тотъ, хватаясь за брюхо, готовъ кататься по полу. (Мнѣ кажется, не нужно объяснять, что подобныя хватанія за животъ были умѣстны въ доброе старое время, теперь послѣ „столовой“ не до того!) Князъ Долгорукій, описывая дѣловое утро монарха повѣствуетъ, что, страдая запоромъ, онъ си-

дитъ цѣлые часы на суднѣ и курить кальянъ, по его мнѣнію, способствующій выходу самодержавнаго кала; pur sang аристократы стоятъ за ширмами и разсказываютъ ему сальности, городскія сплетни. Этимъ способомъ выходятъ въ люди, получаютъ высшія назначенія; лучшіе наши министры и самые ветхіе генералы начали свою блестящую карьеру въ царскомъ нужникѣ... Благодаря придворнымъ и кальяну (не знаю кому болѣе) вѣнценосецъ, наконецъ, освобождается отъ бременившаго его кала.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти кальянщики представляютъ изъ себя pur либераловъ. У дворцовыхъ либераловъ воззрѣній нѣтъ. Каждый часъ, каждая минута родятъ новые и новые взгляды; все переливается, смѣшивается, какъ камушки въ калейдоскопѣ. Воззрѣнія ихъ такъ же капризны, какъ чрево и голова помазанника; все перепутывается: висѣлица и религія; семейство и бардель; добродѣтель и сифилисъ; каменные мѣшки и общество облюбованія животныхъ; человѣколюбіе и размоченныя въ уксусѣ и соли розги; собственность и вывертываніе кармановъ ближняго; человѣческое достоинство и ночной цезарскій горшокъ; прогрессъ, цивилизація, необгонимая тройка и вѣнчаніе зданія у Цѣпнаго моста.

Въ десять часовъ утра они и, по ихъ словамъ, весь народъ содрогаются, цѣпенѣютъ, трепетно замираютъ по поводу пасажа со столовой. Молитва, полная до верха слезъ, возносится изъ убогой хижины кроткаго поселянина, мирной конуры кроткаго рабочаго, изъ больницъ и съумашедшихъ домовъ. Церковныя паперти и даже самыя стѣны пламенной Колхиды заливаются народными слезами. Ужасъ, выше всѣхъ описаній, приводитъ въ полнѣйшій безпорядокъ кишки, моз-

ги, сердца и невольно вызываетъ грозныя проклятія противъ святотатственныхъ злодѣевъ и проч., и проч. Въ десять часовъ вечера мечты о конституціи, потребность титуловаться citoyen.

Нынче восторженный взглядъ на Вѣру Засуличъ, завтра такой же на Трепова.

Нынче строгіе взоры, обращенные внутрь, требованіе безпощаднаго суда не надъ Вѣрой Засуличъ, но надъ обществомъ и надъ собою; завтра—гуманное предложеніе тянуть изъ нея жилы, и затѣмъ постоянное требованіе гнилыхъ веревокъ для политическихъ жертвъ и не только суда надъ собою, но и отсутствіе невинныхъ угрызеній совѣсти.

Такъ какъ мы очень, очень любимъ лизать, то сравню либераловъ и консерваторокъ съ псами разныхъ породъ. Нося въ душѣ сверхъестественное пресмыканіе, мы обидѣться не смѣемъ.

Консерватора можно уподобить вѣрной лягавой, или еще лучше, вѣрному пуделю. За кость, остатокъ жаркого, жирныя помои, онъ будетъ неотступно слѣдовать за обожаемымъ вѣнценосцемъ или валяться въ его священныхъ стопахъ. Отлученный имъ палкою, онъ черезъ минуту возвращается, какъ ни въ чемъ не бывало, и вѣрноподданически виляя хвостомъ, полный благопожеланій, ложится у его ногъ и принимается снова за вылизываніе. Каждаго подходящаго онъ встрѣчаетъ злобнымъ, ревнивымъ рычаніемъ.

Либералъ подобенъ шаловливой ливреткѣ. За кусокъ сахару, она вдругъ бросается къ стопамъ и, махая хвостомъ, извиваясь кольцомъ, съ какимъ-то остервенѣніемъ, Комиссаровскимъ паѳосомъ начинаетъ лизать и пытливо обнюхивать заднія самодержавныя части. Черезъ минуту она уже, забывъ

вполнѣ хозяина и сахаръ, довѣрчиво бросается къ первому встрѣчному, и разъ онъ запасся кусочкомъ кренделя, она начинаетъ продѣлывать надъ нимъ то же самое.

Либеральная ливретка отличается полною безпринципностью, безшабашностью, игрывымъ собачьимъ легкомысліемъ, непостижимою забывчивостью. При перемѣнѣ властителей, пуделей-консерваторовъ, за ихъ упорство и злопамятность, часто выбрасываютъ въ живодерни или отправляютъ въ деревни кормиться постными помоями и дохлыми галками. Либераловъ-ливретокъ обыкновенно оставляютъ при дворѣ, не боясь ничего, надѣясь на полную перемѣну чувствъ и мыслей.

Пудель, какъ ночной сторожъ, незамѣнимъ.

Ливретка, при малѣйшей опасности, летитъ кубаремъ подъ постель, и безумнымъ завываніемъ усиливаетъ панику.

Пуделя легко пріучить не дѣлать на мебель и посреди комнаты. Ливретку никакими сѣченьями не отучишь, и она, хитрымъ образомъ, всегда себѣ сыщетъ уютный уголокъ и втихомолку напакоститъ.

Пудель-генералъ степененъ, маститъ.

Ливретка, если „обожаемый“ въ минуты благосклонности или благопожеланія снизойдетъ до игры съ нею, въ порывѣ вѣрноподданичества, можетъ сдѣлать на ногу.

Если вѣнценосецъ соизволятъ милостиво удостоить прочувствованно крикнуть: „ату!“ песъ—консерваторъ съ свирѣпствомъ бросается и начинаетъ заѣдать жертву. Кровь опьяняетъ его до такой степени, что нужно обломать объ него всю палку, чтобы отогнать отъ окровавленной добычи.

Ливретка-либералъ при крикѣ „ату!“ ужасно замѣчется изъ стороны въ сторону, станетъ жестоко завывать, бросаться впередъ, дѣлая видъ, что готова разорвать. Терзать и ку-

сать начинаетъ только тогда, когда вѣрный песъ-консерваторъ уже перегрызъ горло царской добычѣ.

Генералъ или тайный совѣтникъ-пудель требуетъ за свои вѣрноподданическія чувства жирныхъ помоевъ, но будетъ продолжать быть вѣрнымъ даже и тогда, когда ему будутъ грубо выбрасывать объѣденныя кости и говяжьи жилы. Главное для него, чтобы богомъ дарованный порфироносецъ, желая отбыть или прослѣдовать во внутреннія покои, позволилъ ему слѣдовать сзади и благоговѣйно обонять слѣдъ.

Ливретку помоями не удовлетворишь, какъ бы они жирны не были; она требуетъ сливокъ, сахару, пирожковъ съ кремомъ, сладкихъ булочекъ, невысосанныхъ цыплячьихъ косточекъ; она требуетъ бархатный ошейничекъ, съ блестящимъ замочкомъ и блестящею дощечкою, съ именемъ хозяина, шелковую тесемочку.

Пуделя-консерватора можно сѣчь нещадно: онъ не боится боли. О собственномъ достоинствѣ упоминать нечего: на то онъ и песъ, чтобы его не имѣть!

Либеральная ливретка, блистая отсутствіемъ призрака собственнаго достоинства, блистаетъ также отсутствіемъ консервативной выносливости наказанія. Ничего не имѣя противъ сѣченія, проповѣдуя его для другихъ, она жалобнымъ визгомъ умоляетъ, чтобы было не больно.

Такъ какъ мы до мозга костей полны собачьихъ инстинктовъ, то, конечно, не должны принимать къ сердцу наглядныя сравненія.

Консерваторы бываютъ часто недовольны и рѣзко недовольны.

Либералы бываютъ неопредѣленно довольны и недовольны. Человѣкъ, имѣвшій безуміе допытаться причинъ неудовольствія

или удовольствія, рискуетъ впасть въ смертельное отчаяніе. Съ одной стороны выйдетъ, какъ дважды два, чрезвычайно паскудно и очень трудно въ этомъ не признаться, съ другой — выйдетъ до того хорошо и исторически необходимо, что трудно не сознаться.

Консерваторы поддерживаютъ семейство, собственность и религію, вслѣдствіе безграничнаго тупоумія и вѣры, что съ ихъ прекращеніемъ солнце печально померкнетъ, луна, увлеченная примѣромъ солнца, не дастъ свѣта, звѣзды, съ крикомъ „караулъ,“ спадутъ, силы небесныя поколеблятся, печати слетятъ съ сосудовъ саломоновыхъ и демоны возликуютъ.

Либералы поддерживаютъ религію по требованію полиціи и потому, что кретинизмъ и невѣжество съ комерческой точки зрѣнія незамѣнимы; семейство — потому что можно дѣлать выгодные браки; собственность — потому что при коллективизмѣ нельзя воровать.

Консерваторы издаютъ газеты, и онѣ выписываются по предписанію начальства, читаются онѣ даже „іереями,“ скорѣе изъ курьеза.

Либералы издаютъ много газетъ и ихъ вообще читаютъ, такъ какъ они представляютъ единственную, soi-disant духовную пищу, разрѣшаемую администраціей.

Но консерваторъ идетъ до конца. Онъ сумрачно надѣваетъ на политическую жертву саванъ; на шею — петлю и суетъ ему цѣловать христіанскаго бога, подъ сѣнію котораго процвѣтаютъ висѣлицы.

Либералъ сконфуженно, но быстро выдергиваетъ скамейку, и послѣ продаетъ кусочки веревки игрокамъ. (См. „Новое Время,“ описаніе казни Млодецкаго.)

Господинъ Б. Что такое славянофилы?

Господинъ В. Они очень добрые.

Г. Б. И только?

Г. В. И кромѣ того, очень, очень скучные люди, замѣчательно скучные.

Г. Б. Неужели же они скучнѣе „Вѣстника Европы“ и газеты „Порядокъ“?

Г. В. Страшно выговорить,— скучнѣе, но менѣе серьезны.

Г. Б. Что желаютъ славянофилы?

Г. В. Тоску разогнать у западныхъ народовъ, сказать имъ великую правду, произнести слово чудное.

Г. Б. Что же они произнесли?

Г. В. Нѣтъ! 40 лѣтъ обѣщаютъ, но пока не только у западныхъ народовъ тоску не разогнали, но умудрились и на своихъ тоску смертельную навести.

Г. Б. Что они хотятъ?

Г. В. 40 лѣтъ около царя-пушки и около разбитаго колокола безъ языка, въ 12 тысячъ пудовъ, сидятъ и все натуживаются, но сдѣлать пока ничего не смогли. Пробовали на Воробьевы горы подыматься, къ церковнымъ колоколамъ московскимъ издали прислушивались, и все таки не помогло. Сидя, они все назадъ оглядывались въ историческое прошлое.

Г. Б. Что же они видятъ въ прошломъ?

Г. В. Диво дивное.

Г. Б. А вы что видите?

Г. В. Дикія полчища широкоскулыхъ и узкоглазыхъ, жрущихъ кобылятину; затѣмъ: котлы съ кипящею смолою, колы, жаровни, крючья, костры, кнуты, опричнину, гаремы, блудъ всеобщій, разбой, грабежъ, семейныя заколачиванія въ гробъ, теплящіяся лампады у всѣхъ святыхъ угодниковъ; человѣка

въ красной рубахѣ, съ блестящимъ топоромъ, и ярче всѣхъ видится жрущій человѣчье мясо царь московскій.

Г. Б. Чтожъ по ихъ мнѣнію уцѣлѣло отъ завѣтной старины?

Г. В. Царь, ѣдящій человѣчину и палачъ въ красной рубахѣ, но не съ блестящимъ топоромъ, а гнилою веревкою въ рукахъ и русское село.

Г. Б. Уцѣлѣли ли царь и село?

Г. В. Не совсѣмъ. Село кабатчики, саранча, жучки съѣли, а прахъ его становые, урядники, жандармы по вѣтру развѣяли.

Царь тоже не совсѣмъ уцѣлѣлъ; на него, какъ на медвѣдя, охотились; поѣздъ его по рельсамъ сигалъ и даже столовая совсѣмъ улетѣть собралась. Съ точки зрѣнія славянофиловъ это показываетъ силу и прочность трона.

Г. Б. Но люди такъ спокойно, просто заставляющіе канканировать „разъобожаемаго вѣнценосца,“ кто они?

Г. В. Русскіе, и главный изъ нихъ Самсонъ, пошатнувшій колонны подъ пирующими филистимлянами, человѣкъ села; онъ вышелъ изъ среды боготворящихъ монарха.

Г. Б. Религіозные ли эти люди? и если нѣтъ, то легко ли они отрѣшаются отъ каѳолической трухи, т. е. отъ славянофильскихъ стропилъ?

Г. В. Такъ же легко, какъ и отъ царя-пушки.

Г. Б. Но развѣ это показываетъ твердость стропилъ?

Г. В. Спросите у нихъ. Но, впрочемъ, у нихъ есть всегда готовый отвѣтъ: что не по нихъ, то они тотчасъ же объясняютъ постороннимъ вѣяніемъ. Они плохо знаютъ чужую исторію; они забыли, что народъ французскій, во время болѣзни Людовика XV, очень горячо эту болѣзнь къ сердцу принялъ, и у посла, разъѣзжавшаго съ извѣстіемъ, что вѣнценосцу полегчало, ноги цѣловалъ и цѣловалъ ноги и брюхо

пословой лошади, и вскорѣ послѣ этого, при общихъ народныхъ аплодисментахъ, головка наслѣдника обожаемаго вѣнценосца съ окровавленныхъ ступеней въ мѣшокъ съ отрубями соскользнула.

Такимъ патріотическимъ экстазомъ похвастаться мы не можемъ: семь покушеній на „милліонъ разъ обожаемаго“ мы вынесли спокойно, не почесавшись. Что же касается до содроганій мозговъ, заднепроходныхъ кишекъ, сердецъ, заливаній церковныхъ половъ теплыми слезами народными, вознесеній пламенныхъ молитвъ къ престолу всевышняго и прочихъ Комисаровскихъ чувствъ, то всякій, не бывшій въ семинаріи, уже знаетъ, что эти чувства были почерпнуты журналистами въ секретномъ столѣ; эти высокія, гордыя чувства становые, урядники на обывательскихъ развозили по Россіи и диктовали ихъ дворянству, купечеству. Въ случаѣ малѣйшаго отказа, въ розовой дали рисовались: чижовка и плеточка!... Но кому же не извѣстно, что наши громадно широкія, бурь жаждущія славянскія натуры, всегда передъ розочкой конфузливо стушевывались.

Г. Б. Вспомните Комисарова!

Г. В. Да, я помню, какъ московскіе кабатчики и царскіе пуделя народъ водкой съ водой травили. Помню также, какъ одинъ мужичекъ, волнуемый „обожаніемъ,“ произнесъ: „Такого дня мы отъ самой коронаціи дожидались, на силу богъ молитвы услыхалъ.“ Въ тѣ дни въ матушкѣ бѣлокаменной свершилось много чудесъ. Мы не только гаремныхъ служителей, но и псовъ лижущихъ, за поясъ заткнули! Сколько было на радостяхъ зеркальныхъ и простыхъ стеколъ побито! Сколько публичныхъ домовъ въ пухъ разнесено! Сколько неслыханныхъ членовредительствъ учинено! Пьяные, грязные,

съ зрачками налитыми кровью, купчины качались по улицамъ и рычали русскую марсельезу, — русскій народный гимнъ: „Боже царя храни.“ Портретъ карманнаго воришки—Комисарова они у Иверскихъ воротъ вывѣшивали; неугасимую лампаду около него зажигали. Но хорошенькаго понемножку! Въ слѣдующіе разы, не смотря на то, что вся тайная полиція взывала къ чувствамъ народнымъ, они, съ ея помощью, только въ газетахъ проявились, и не народъ, но газетная бумага шумѣла; тщетно мясниковъ умаливали: снова ножи и окровавленные въ бычьемъ мясѣ кулаки въ ходъ пустить, но мясники лавочекъ не бросили, чувствъ доблестныхъ не показали.

Г. Б. Но почему смиренные подданные напустили на себя гордыню, отъ которой ихъ Гоголь предостерегалъ, въ цѣломъ томѣ писемъ, свой органъ Русью назвали? Лепетъ юродивыхъ обозвали великой правдой? Завываніемъ кликушъ разогнать захотѣли тоску у западныхъ народовъ?

Г. В. Они забыли къ своей „Руси“ бездѣлицу прибавить: азіатская. Бѣдные, самодовольные царскіе лакеи, они, не желая, вызываютъ изъ кромѣшной тьмы восточную деспотію, мечтаютъ о Гарунъ-аль-Рашидахъ; они идутъ въ тактъ съ московскимъ царемъ. Давно, давно нашъ цезаризмъ распростираетъ свои объятія къ востоку. Абсолютный деспотъ ужасною цѣною народнаго горя, цѣною его лохмотьевъ, захватываетъ себѣ ненужныя владѣнія на крайнемъ востокѣ; теряя почву подъ собою въ европейской Россіи, онъ осѣдаетъ въ Азіи.

Г. Б. Какимъ образомъ они могутъ совмѣстить два понятія: личность и богомъ дарованный царь? человѣческое достоинство и земной полубогъ? народъ и богомъ ввѣренные вѣрно-

подданные? Откуда они хотятъ выписывать, не изъ Абиссиніи ли царей, геніевъ ума и добра? Какимъ образомъ ихъ царь, выросшій въ чумной лакейской, въ палатѣ умалишенныхъ, выучится уважать человѣка въ ближнемъ, склоняться передъ народомъ, который самъ ему позорно навязался въ хамы, въ стопы его челомъ бьетъ? Кто будетъ обуздывать его и опричнину? Не общее ли пресмыканіе, лизаніе? Если его и опричнину обуздаетъ народъ, то отъ царя и опричнины праха не останется; если онъ и опричнина обуздаютъ народъ, то отъ народа останется только гнусный, подлый рабъ, недостойный исторіи и даже жизни зоологической, и его выметутъ, отбросятъ штыками въ безпредѣльныя пустыни востока. Жалѣть о немъ никто не станетъ, какъ не жалѣемъ мы несчастныхъ текинцевъ.

Не урядники ли съ нагайками разгонятъ тоску у западныхъ народовъ? Не царскіе ли наушники скажутъ великую правду? Не палачъ ли съ веревкою произнесетъ то слово чудное, отъ котораго дремучій боръ разступится, мостъ черезъ широкую рѣку перекинется?

Г. В. Человѣческое достоинство они искусно забалтываютъ во всѣхъ своихъ туманныхъ проповѣдяхъ, называютъ его западничествомъ. Ихъ Я поглощается въ царскомъ Я; они всѣхъ русскихъ въ факировъ обращаютъ и вѣжливо приглашаютъ ввойти въ чрево царское. Они проповѣдуютъ не только Нирвану, но и стервану.

Г. Б. Чѣмъ они плѣняютъ умы московской интеллигенціи?

Г. В. Они отрицаютъ буржуазію, бюрократію, казенщину; упоминаютъ часто слова: „народъ,“ „хата,“ „село.“ Люди, выросшіе на полицейскихъ вѣдомостяхъ Михаила Никифорова, ихъ принимаютъ за страшныхъ разрушителей. Читая

каждый день о фундаментахъ, балкахъ, стропилахъ, устояхъ, рычагахъ, щебнѣ, они ихъ скоро примутъ даже за строителей. Но они забыли, что въ дѣлѣ отрицанія современнаго буржуазнаго строя, люди запада ихъ давно оставили за барьеромъ, и колоссальныя революціи произнесли смертельный приговоръ надъ ихъ излюбленными воззрѣніями. Расчищая обломки, созидая идеалъ будущаго, люди запада съумѣли, безъ малѣйшаго колебанія, обойти вѣнценосца и вѣрноподданническія пресмыканія. Тамъ вѣнценосною цацею забавляются фигаристы.

Г. Б. Обращаетъ ли на нихъ вниманіе молодое поколѣніе, вышедшее изъ того же народа?

Г. В. Ни малѣйшаго. Молодые люди правду ищутъ не въ Азіи, а въ Европѣ; въ Россіи они для нея видятъ дѣвственную почву. Царю они не тронъ укрѣпляютъ, но могилу роютъ! Всѣ тюрьмы полны ими; новыя, центральныя тюрьмы, какъ храмы божьи, „ростутъ по лицу земли родной,“ но все ихъ мало! Царское ненасытимое чрево все жертвъ алчетъ. Всѣ русскіе центры изукрасились крестами, и на нихъ въ терновыхъ вѣнцахъ истекли праведною кровью 24 русскихъ революціонера, свою любовь къ ближнему закрѣпивъ страшнымъ мученичествомъ.

Г. Б. Проявилась ли послѣ 40 лѣтняго существованія славянофильская партія, сказалась ли въ чемъ нибудь ея сила? Лили ли они кровь, или одно лампадное масло?

Г. В. Я не знаю навѣрное, а спросить совѣстно: считаютъ ли они исторію мясниковъ изъ ножевой линіи, т. е. бойню студентовъ, привѣтствовавшихъ своихъ замученныхъ товарищей, своею исторіею, народнымъ одушевленіемъ, обожаніемъ уцѣлѣвшаго царя.

Г. Б. Пострадалъ ли кто изъ нихъ?

Г. В. Да! Аксакова съ московскихъ хлѣбовъ въ наказаніе пересадили на деревенскіе. Но не думаю, чтобы пища его ухудшилась отъ этого перемѣщенія; впрочемъ, онъ свое уединеніе недавно въ благозвучныхъ стихахъ воспѣлъ.

Г. Б. Какъ оцѣнено было москвичами это своеобразное, деревенское мученичество?

Г. В. Говорятъ, ему предложили мѣсто въ банкѣ. Не знаю, отказался ли онъ, думаю, что да: банкъ — исчадіе дьявольское; ростовщики — дѣло божье.

Г. Б. Понимаютъ ли они, что они благовѣствуютъ, какъ новое божественное откровеніе, осатанѣлое хамство, татарщину?

Г. В. Не думаю. Вытащите текинца, турка, образуйте ихъ и начните имъ проповѣдывать свободу личности, они васъ при всемъ желаніи, никогда не поймутъ; вся тайна въ мозговой гущѣ..... Великое несчастіе Россіи, что въ ней преобладаетъ безнадежный, сумрачный, погребальный элементъ: текинскій.

Рядомъ съ поколѣніемъ, полнымъ огня, мужества, свѣтлыхъ надеждъ и гордыхъ мечтаній, всюду валяется падаль; никто ее не прибираетъ, всѣ силы государственныя устремлены на уничтоженіе живыхъ силъ, а падаль лежитъ и воняетъ, покровительствуемая законами... Эта ужасная, могильная вонь зачумляетъ атмосферу, разводитъ страшные недуги, помогаетъ губить здоровые организмы. Грустная, грустная страна!

1 Января, 1881 г.

П. Алисовъ.

Imprimerie russe. — Chemin Neuf. 13. Genève.

LIBRAIRIE ELPIDINE — GENEVE

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

П. Ѳ. Алисова:

Сборникъ литературныхъ и политическихъ статей — 4 фр. Христіанство передъ судомъ соціализма — 2 фр. Брошюры: Александръ II Освободитель — 1 фр. Alexandre II Libérateur. 2 édition.— 25 cent. Нѣсколько словъ о романѣ „Новь“ Тургенева — 50 сант. Процессъ 193 — 50 сант. Реквіемъ — 50 сант. Россійское броженіе подъ микроскопомъ — 50 сант. Спасеніе отечества съ выдачею 100.000 рубл. впередъ—20 с. Процессъ 16 — 10 с.

Чернышевскій. 5 томовъ. — Его же: Кавеньякъ. Антропологическій принципъ въ философіи. Борьба партій во Франціи. Іюльская монархія. Лессингъ. Что дѣлать? Научились ли?

Герценъ. Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ. Колоколъ.

Періодическіе журналы:

„Общее Дѣло“. Съ мая 1877 по 1880.

„Набатъ“. Съ 1876 по 1879.

„Община“. 9 номеровъ.

„Впередъ“. IV и V т.

„Równość“. Съ 1879 по 1880 на польскомъ языкѣ.

Драгомановъ. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, съ предисловіемъ. Было бы болото, а черти будутъ. Терроризмъ и Свобода—Муравьи и Корова.

Ткачевъ. Анархія мысли.

Тащкентцы, обратившіеся внутрь.

Начала соціальной науки, на русскомъ и польскомъ язык.